VII Межрегиональная научно-практическая конференция

«НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ»

Секция: Этнография и региональная культура

ОБРЯДОВАЯ КУЛЬТУРА САМАРСКИХ ЧУВАШЕЙ-ЯЗЫЧНИКОВ

Бочкарева Виктория,

10 класс (16 лет),

МБОУ Школа № 53

г.о. Самара

Руководитель:

Луковкина Ирина Давыдовна,

Учитель истории и обществознания МБОУ Школы № 53

г.о. Самара

Самара, 2018

Содержание:

Введение……..3

I. Мировоззрение чувашей-язычников……..4

II. Календарные обряды……...7

III. Поминальная обрядность……12

IV. Чувашское язычество в контексте христианства……..17

V. Влияние ислама на религиозные верования чувашей……..18

Заключение…….....20

Источники и литература……21

Введение

В современной Самарской области проживают несколько этносов, обосновавшихся здесь к концу XIX века. Одним из многочисленных народов, занимающих 31 место после русских по переписи 2002 г., являются чуваши, разными путями оказавшиеся на этой территории. Одной из причин переселений чувашей в Самарский край была их специфичная вера, которую носители этой религии бережно сохраняли, не смешиваясь ни с христианами, ни с мусульманами.

В большинстве случаев с чувашами соседствовали русские. Это объясняется социально-политической ситуацией в стране; отменой крепостного права, вследствие чего бывшие крестьяне русской национальности начали заселяться в чувашских селах; религиозной близостью крещеных чувашей и православных русских.

Иногда соседями чуваш становились татары. И хотя они мало контактировали друг с другом из-за конфессиональной замкнутости, татары оказывали значительное влияние на соседей. Это заключалось в принятии чувашами ислама. Отатаривавшиеся чуваши продолжали вести жизнь простого чувашского народа, но татарский язык и татарский костюм считались престижными, поэтому в богатых семьях чуваши перенимали быт и культуру татар.

Но, несмотря на это, ярких примеров взаимодействия друг с другом различных этноконфессиональных групп не существовало из-за многих причин, одна из которых – незнание языка. Но она легко преодолевалась, и в разных районах было распространено двух-трех- и даже четырехязычие. Знание языка соседа считалось нормой. Но если конкретно брать группу «мордва – чуваши», то чувашский язык считался престижнее, и скорее мордва выучивала чувашский, чем наоборот.

Данная работа посвящена анализу обрядовой культуры чувашей-язычников, живущих сегодня в ряде сел Самарской области.

Источниками для написания работы явились материалы XVIII века в трудах путешественников И.И. Лепехина и П.С. Палласа, а так же описания обрядов XIX века, опубликованных в работах главного специалиста по чувашской этнографии – Е.А. Ягафовой, существенный вклад в разработку темы внесла публикация

А.С.Говорова «Ивановка» (Самара, 1926).[1] Большой интерес для нашей работы представляет видеоматериал о чувашском языческом обряде «Осенние поминки у чувашском языческом обряде села Чувашское Урметьево Челно-Вершинского района Самарской области», отснятый ГТРК «Самара» в 1996 г[2].

Выбор темы обусловлен интересом автора работы – этнической чувашки - к культуре своих предков.

[1] Говоров А. С. Ивановка. – Самара, 1926; Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768- 1769 г. Ч. I-II. СПб., 1771; Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I- СПб., 1773; Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. – Чебоксары, 1994; Ягафова Е. А. Самарские чуваши. – Самара, 1997; Ягафова Е. А. Чуваши Самарской Луки. – Чебоксары, 2003; Ягафова Е. А. Чувашское «язычество» в XVIII – н.XXI века. – Самара, 2007.

[2] «Осенние поминки у чувашском языческом обряде села Чувашское Урметьево Челно-Вершинского района Самарской области», ГТРК «Самара» , 1996 г.

I. Мировоззрение чувашей-язычников

Вплоть до середины XVIII века у чувашей сохранялась своя народная (языческая) вера. Ее основу составляет дуализм, в котором чуваши признают два верховных существа: начало доброе - Тора и злое - Шайтан, находящиеся в вечной вражде между собой. Посредниками между ними и человеком служит целый ряд второстепенных богов, добрых и злых. К числу добрых богов принадлежат: бог света и теплоты, творец душ, бог ветра, бог-покровитель супружеской и семейной жизни; бог-покровитель путешествий и многие другие. Все почти боги, по представлению чуваш, имеют жен и детей. Злые сначала были не такими. Чуваши об этом рассказывают так: «Как-то старший сын высшего бога Тора – Киреметь разъезжал по свету и дарил людям удовольствие, когда люди, подстрекаемые Шайтаном, убили его, сожгли его тело и развеяли прах по воздуху. От праха на земле выросли деревья, а с ними неисчислимое количество злых богов Киреметей. После эти Киремети переженились, из-за чего каждая деревня имела своего Киреметя. Кроме Киремети были еще злые духи, происшедшие прямо от Шайтана».[3] Даже в молитвах, с которыми обращаются к добрым и злым духам, последние в большинстве случаев представляются полновластными исполнителями того, о чем их просят, что дает основание считать их также божествами, хотя и не первого разряда.

Как считает венгерский этнограф Дюла Мессарош, «в своих монотеистических воззрениях чуваши последовательнее даже русских. Они не прельщаются, например, почитанием святых и икон, что доходит до идолопоклонства. Крещеные чуваши не могут ориентироваться между поклонением Единому Богу и почитанием святых.

Чуваши обожествляют предметы реального мира: огонь, явления природы; почитают водные источники - ключи, реки, озера, а также небесные светила; есть культ земли, а также вера в существование души и всевозможных домашних, лесных, водяных духов.

Покровителем дома является дух херт-сурт, похож на русского домового. Считалось, что херт-сурт обычно невидим, а, показываясь людям, принимает облик

[3] Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. – Чебоксары, 1994, С. 32.

женщины или девушки в белом. Живёт на печке. По ночам прядёт пряжу и просеивает муку (по шуму, который при этом происходит, можно обнаружить присутствие духа), на конюшне заплетает косички в гривах любимых лошадей, ухаживает за скотом. Предчувствуя беду, стонет или стучит. Херт-сурт не любит ссор и ругани в семье; если херт-сурт покинет нелюбимого хозяина, счастья в его доме больше не будет. Переселяясь в новый дом, хозяева приглашали хертсурт с собой. Раз в год или в несколько лет в честь хертсурт справлялся праздник, на котором приносили небольшие жертвы: после моления и обеда хозяйка дома ставила на печь блюдо с кашей и лепёшки. Утром кашу разогревали и ели всей семьёй. Молодые женщины, навещая вскоре после свадьбы родительский дом, приносили херт-сурт гостинцы, чтобы им сопутствовало счастье в супружеской жизни. По поверьям чувашей, в херт сурт превращается после смерти всеми почитаемая мудрая старая женщина. Позднее херт сурт сливается с образом другого духа - хранителя - пирешти и даже заменяется им.

Йерех - дух-хранитель домашнего очага, злой и агрессивный дух, отличное оружие мести в руках членов семьи. По просьбе хозяев мог наслать на нелюбимых соседей болезни. Изображается куклой или оловянными фигурками. Йерехов держат обычно в недоступных для детей местах. Причем женские фигурки принято хранить в лукошке, а оловянные - в небольших мешочках, которые висели в углу или на стене клети, амбара, конюшни. Девушка, выходившая замуж, вешала в своем новом доме йереха.

В чувашской языческой религии Киреметь был самым популярным объектом поклонения из всех больших и малых богов. Являясь самым широко известным и стойким объектом поклонения, киреметь, однако, как и другие образы чувашской национальной религии - духи полей, лесов, рек, озер, был довольно бесформенным образом. Очевидно, олицетворению его в конкретном образе мешало насаждаемое служителями культа поверье, что «ни одному человеку не дано видеть киреметя, что даже случайная встреча с ним является неизбежным предвестником близкой смерти».[4]

[4] Цит. по: Ягафова Е. А. Чуваши Самарской Луки. – Чебоксары, 2003, С. 54.

Киреметью обычно является священная роща, хотя иногда это название категория духов, в которых превращались души почитаемых людей (в частности, предков, колдунов). Киреметы-рощи иногда стоят обнесенные изгородью, где строго запрещалось рубить деревья, вблизи чувашских деревень. По описанию И.И. Лепехина и П.С. Палласа, Киреметь представляет собою «простое, огороженное бревенчатым забором пространство: в этой ограде было всегда трое ворот — на восток, запад и север: восточные ворота предназначались для ввода в ограду жертвенных животных, тогда как воду приносили всегда в северные ворота; западные ворота служили обыкновенно для пропуска молящихся; вдоль западной стены устраивали навес, под которым собирались есть жертвенное мясо, а несколько впереди этого навеса ставился громадный дощатый жертвенник, на котором удобно можно было заколоть самое большое животное; над жертвенником устраивалась крыша, и чуваши были уверены, что во время моления на жертвеннике невидимо пребывает сам киреметь. По обеим сторонам жертвенника врывали в землю по 2 столба с перекладинами, на которые и вешались котлы, служившие для варки жертвенного мяса. Чинить киреметь не разрешалось, и когда все это незамысловатое строение сжигали, на месте его воздвигали новое и притом обязательно из совершенно нового материала. Также для общественных жертвоприношений избирался старшина, который читал молитвы и убивал животное. Эти старшины, жрецы - йомзи, которые совмещали в себе знахарей, колдунов и врачевателей от разных болезней. Чуваши относились к ним с большим уважением, страхом, так как верили, что они могут испортить людей, послать болезнь, умертвить.»[5]

[5] См.: Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768- 1769 г. Ч. I-II. СПб., 1771, С. 49; Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I- СПб., 1773, С. 82.

II. Календарные обряды

Календарный цикл обрядов чувашей-земледельцев открывал праздник сурхури, приуроченный по времени зимнего солнцестояния. Забота о будущем урожае проявлялась на этом празднике в целом ряде магических обрядов. Так, молодежь, собираясь в группы, подворно обходила деревню. Исполнив обрядовую песню, участники шествия произносили заговоры с пожеланиями хозяину хорошего урожая и приплода скота. В науке считают, что само слово «сурхури» переводится как «овечья нога». Зимний цикл земледельческих обрядов завершался праздником Саварни (Масленица), знаменовавший наступление весенних сил в природе. В оформлении праздника, в содержании песен, приговоров и обрядов четко проявляется его аграрная природа и культ солнца. Чтобы ускорить движение солнца и приход весны, на празднике было принято печь блины, кататься на санях вокруг деревни по ходу солнца. В завершении масленичной недели сжигали чучело «старухи саварни» («саварни карчаке»).

Весенний цикл открывался многодневным праздником жертвоприношений солнцу, богу и умершим предкам Манкун (совпавший затем с православной Пасхой), который начинался с калам кун и завершался серен (или вирем) – обрядом изгнания зимы, злых духов и болезней. Молодежь ходила группами по деревне с рябиновыми прутиками и, хлеща ими людей, постройки, инвентарь, одежду, выгоняла злых духов и души умерших, выкрикивая «серен!». Односельчане в каждом доме угощали участников обряда пивом, сыром и яйцами. В конце XIX в. эти обряды в большинстве чувашских деревень исчезли.

Следующая серия обрядов непосредственно была связана с полевыми работами. Весенний сев начинался обрядом Варлах каларни. Накануне его мылись в бане, надевали чистое белье.

С заботой об урожае связан и обряд Самар чук – моление о дожде, где участвовали все жители деревни. Они купались в воде, обливали друг друга водой.

Основной целью этого обряда являлось обеспечить наличие влаги в летний период.

Окончание весеннего сева завершалось Ака патти – молениями кашей о хорошем урожае и сохранности от стихийных бедствий. Когда на полосе оставалось

пройти последнюю борозду и прикрыть последние засеянные семена, глава семьи молился Султи Тура о ниспослании хорошего урожая. Несколько ложек каши, варёные яйца зарывали в борозду и запахивали её.

Все весенние работы завершались праздником Акатуй или Сабантуй – «свадьбой плуга», связанный с представлением древних чувашей о бракосочетании плуга (мужского начала) с землей (женским началом). В прошлом Акатуй имел исключительно религиозно-магический характер, сопровождался коллективным молением. Со временем, с крещением чувашей, он превратился в общинный праздник с конными скачками, борьбой, молодежными увеселениями.

Лето чуваши начинали примерно со второй половины мая месяцем «летним», с которым связан обряд Синсе (вирьялы) или Уяв (анатри), когда запрещалось заниматься земледелием, так как земля была «беременной» после посева.

Праздник Синсе или Уяв сопровождался массовыми гуляниями, хороводами, свадьбами. Тематика песен, игр и хороводов – бытовая; исполнялись молодежные лирические песни. Особенностью этого праздника является запрет на многие домашние и сельскохозяйственные работы, связанные с землей.

В дни праздника Синсе (Уява) или после его окончания проводились массовые полевые моления – Уй-чук, сопровождавшиеся крупными жертвоприношениями скота: быков, коров, телят, овец и домашней птицы.[6]

Традиционные чувашские молодежные праздники и увеселения устраивались во все времена года. В весенне-летний период молодежь всего селения, а то и нескольких селений, собирались на открытом воздухе на хороводы уяв (вайа). Этот праздник является по сути дела выражением почтения к «беременной» земле. Уяв сопровождался массовыми молодежными гуляниями, хороводами, свадьбами. Отличительной чертой Уява было наложение запрета на многие домашние и сельскохозяйственные работы, связанные с копкой земли. В дни праздника запрещалось рвать траву, ломать деревья, стирать, разводить огонь и т.д. Непослушание строго наказывалось, так как нарушение запретов, по воззрениям чувашей, влекло за собой тяжелые бедствия. С приглашением на Уяв обходят деревню дети. Начало уява происходило в основном в центре села, где собирался

[6] Ягафова Е. А. Чувашское «язычество» в XVIII – н.XXI века. – Самара, 2007, С. 24.

нарядно одетый народ. Молодежь в эти дни собиралась за околицей, и устраивала хоровод с танцами, плясками, играми, молодые парни ближе знакомились со своими избранницами. Иногда молодежь упрашивала стариков продлить уяв еще на неделю или две. При проводах уява вся деревня выходила на улицы. Практически везде соблюдалось правило - провожали до грани только соседнего села к востоку. На запад выходят только во время печальных событий, например, на похоронах. Провожающие перед уходом обязательно кланялись, встав лицом к востоку.[7]

К концу XIX в. обряды Синсе (Уява) были совмещены с семицко-троицкой обрядностью. Сроки Семика и Троицы были определены достаточно четко – Троицу отмечали спустя семь недель после Пасхи, а Семик чуваши начинали в четверг, предшествующий Троице («главный Семик») и заканчивали в четверг следующей недели («малый Семик»). Обряды, совершавшиеся в это время, имели в своей основе древние, различные по происхождению народные обычаи и культы.

В празднике Симек четко прослеживается связь с культом растительности. Это проявлялось в украшении фасадов домов ветками деревьев. Особенно почиталась рябина, которая по поверью чувашей, обладала способностью задерживать на своих ветках злых духов. По другой версии, на рябиновые ветки садились души умерших, которые в Симек возвращались с кладбища обратно, а рябиновые ветки препятствовали их проникновению в жилище.

Большое место среди чувашских религиозных праздников и обрядов занимал цикл поминальных обрядов, являющихся четким выражением культа предков. В продолжение о празднике Симек можно сказать, что в этот день чуваши - язычники выходят на кладбище для поминовения усопших.

Праздником, открывавшим у чувашей цикл уборочных работ, являлся Петров день. В этот день вся деревня собиралась на последний хоровод вокруг прощального костра. После этого начинался сенокос. В традиционных обрядах и обычаях чувашей, связанных с сенокосной порой, сохранился обряд утаси. Первый выход на сенокос напоминал большой праздник: все выходили в лучших нарядах. Скошенное и высушенное сено складывали в большие кучи по числу жителей

[7] Ягафова Е. А. Чувашское «язычество» в XVIII – н.XXI века. – Самара, 200, С. 49.

деревни и бросали жребий, каждому доставалась своя доля. Распределенное сено складывали в большие копна (капан). Обычно сено оставляли на лугах до зимы.

Завершение уборки хлебов отмечалось молением духу-хранителю овина (аван патти). Перед началом потребления хлеба нового урожая устраивали цикл осенних благодарственных молений – сара чуклени, - жертвоприношение в честь нового хлеба, аван патти – овинная каша, и аван сари – овинное пиво. На аван патти закалывали петуха, варили кашу, приносили в жертву хлеб нового урожая, последний необмолоченный хлеб. На праздник приглашали родственников, друзей, знакомых.

Осенние поминки – автан сари (петушиное пиво) – имели более торжественный характер, чем летние. На них закалывались домашние птицы, обязательно петух. К рассвету устраивались проводы «покойного» с песнями и плясками, все заканчивалось очистительным обрядом и мытьем в бане.

Одновременно с земледельческими поминальными обрядами нередко совершались скотоводческие обряды – карта патти в честь духов – хранителей домашнего скота.

Накануне готовились юсманы – жертвенные блины из пшеницы или ячменя нового урожая (до 100 шт.) Варилась каша на скотном дворе. По прочтении молитвы ложку каши бросали в огонь. Глава семьи обращался в своей молитве с просьбой к покровителю сохранить стадо. В этот день досыта кормили скот, держали его на вольном выпасе.[8]

Во время страды часто устраивали помочи - ниме, - который не имеет определенных сроков проведения. Из уважаемых людей назначался ниме пусе – глава помочи, который с утра приглашал всех селян пойти на помощь к нуждающемуся односельчанину, объезжая всю деревню на запряженной лошади. Обычно ниме проводится в течение дня. Вечером в доме хозяина собираются все участники ниме. Тяжелая работа завершалась праздничным застольем.

Учук - общенародное полевое поклонение. Люди выражали удовлетворение выращенным урожаем и желание не меньшего в следующем году. Целью учук являлось благодарение и просьба за урожай, за благополучную зимовку, достатка

[8] Ягафова Е. А. Чувашское «язычество» в XVIII – н.XXI века. – Самара, 2007., С. 45- 47.

всем. Адресатами являлись Тура и другие божества, ответственные за хлебные растения. В данном обряде в качестве руководителей и организаторов участвуют пожилые люди обоих полов. Согласно информации А. Салмина, «люди идут на святилище большими группами и непрерывно. Жертву учук выбирали особо придирчиво. Например, в качестве главного дара годился белый бык, мягкий скот не подходил. В качестве сопутствующих жертв приносили множество других животных и птиц: телку, овцу, барана, гусей, уток. Иногда их количество превышало десять голов. Животные не покупались, а давались сельчанами из благотворительных соображений. Исключение составляла лошадь, которую непременно покупали на общественные деньги, не торгуясь. Перед резанием скот обливали холодной водой и заставляли встряхнуться, если он этого не делал, так как это являлось признаком не угодного животного Богу. Мясо варилось в разных котлах. На бульоне варили кашу, кроме того, пекли юсманы и лепешки. Также из дома приносили по лепешке. Все готовые продукты раздавали присутствующим. Центральное место при рассаживании занимала шкура быка, служащая как бы общим столом.» Согласно описанию священника Беневоленского, «моление начинали знающие старики, один из них стоял с пшеничным караваем в руке. Затем они же преподносили божествам юсман и приступали к жертвоприношению животным. Приведенный скот располагали по направлению на восток друг за другом. Молящиеся просили о хорошем урожае. Как только молельщики произносили: «Помилуй», все опускались на колени. А молельщик, отщипнув частицу от каждого вида пищи, относил в Огонь под котлом. Молодежь на время моления к месту действий близко не допускается. После моляна чуваши разделяются на роды или семейства, и садятся по местам так, чтобы составить собою круг; среди этого круга совершители моляна, при помощи почетных и уважаемых ими лиц, разносят в котлах бульон, кашу, и разделяют эту пищу каждому семейству. После съедения жертвенной пищи, молодые люди отходят от места моляна и начинают игры, а старики и старухи, войдя как бы в восторг, по случаю окончания столь благословенного обряда в честь высших существ,

принимаются за питье пива. После возвращения с учука чуваши продолжат гулянье у себя по домам». [9]

Зимой устраивались посиделки (ларни, улах) в избах, где временно отсутствовали старшие хозяева. На посиделках девушки пряли, а с приходом юношей начинались игры, участники посиделок пели песни, плясали и т.д. В середине зимы проводился праздник «хер сари» - девичье пиво. Девушки в складчину варили пиво, пекли пироги и в одном из домов совместно с юношами устраивали молодежную пирушку.

[9] Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. – Чебоксары, 1994, С. 38.

III. Поминальная обрядность

По свидетельству А.С. Говорова, «обряд поминовения умерших совершался чувашами со своеобразной торжественностью: с утра на кладбище направляется много женщин, со значительным количеством всевозможных кушаний, главным образом состоявших из блинов и пива». Могилы умерших родственников на кладбище расположены группами, поэтому пришедшие на поминки располагаются лагерем и угощаются принесенными гостинцами. От каждого из кушаний отщепляют куски и разбрасывают на близлежащих могилах, говоря при этом: «Пусть пухом будет земля, мы вас вспоминаем, вы нас не вспоминайте».[10] По сведениям священника описаний «Самарских Епархиальных ведомостей», «чуваши ведут себя на кладбище очень непринужденно, свободно». Посещение кладбища дает возможность чувашам пообщаться с родственниками, односельчанами, поэтому большую часть времени, конечно, занимает общение.

Язычники верят, что совершаемые ими поминки утешают и успокаивают отошедших в иной мир. Обилие яств и пищи свидетельствует, что живые желают, чтобы и отошедшие от жизни этой не чувствовали ни в чем недостатка и наслаждались возможным блаженством. Выделяются чувашские годовые поминки и поминки частные, временные. Годовые поминки совершаются четыре раза в году. Ко дню поминок домохозяева обычно готовят пиво, варят медовый квас. В день поминок, после того, «как наварят каши, нажарят кур, напекут блинов и пирогов; созывают родственников и знакомых. Когда соберутся гости, то ставят у порога стол, на котором кладутся блины, каша, курица и поставляется пиво с водкою; к дверной же стене, на которой в каждой почти избе имеется небольшое с подвижкою, так называемое волоковое окно, прилепляют восковые свечи, прикрепляют к печному столбу. Домохозяин, садясь за стол, берет прежде всего блин, и отщипывая от него в память каждого умершего по куску, кладет их в приготовленную возле стола порожною чашку, приговаривая: будь это отец, или мать». Сюда потом кладет столько же ложек каши, кусочков вареной курицы. Далее точно также берет и вливает пиво, мед, вино. После этого примеру хозяина следуют, один за другим, и все его родственники. После этого чашку с кусочками и

[10] Говоров А. С. Ивановка. – Самара, 1926, С. 59.

миску с напитками выносят во двор и отдают собакам, но никак не другим животным. Чуваши, руководствуясь верою во временное переселение душ, то есть, что души покойников на это время вселяются в собак и при посредстве их поедают свою долю. После этого стол от порога переносился «в передний угол и начиналась игра на скрипке, или во что другое, например, в гусли, дудки с песнями и плясками. Чуваши полностью уверены в том, что этим доставляют удовольствие покойному родственнику, верят, что умерший вместе с ними веселится. Помянув, таким образом, в доме одного хозяина, гости переходят в дом другого, третьего и так далее, и продолжает такое поминовение до тех пор, пока у всех родственников не перебывают. Из последнего дома проводы происходят обычно на закате солнца, на кладбище с хлебом, солью, пивом. «Вышедши за деревню, провожающие останавливаются там, едят, пьют, плещут вино и пиво вверх и льют на землю, упрашивая умерших жить спокойно и к ним не ходить и их не стращать. После чего чуваши прощаются между собой и расходятся по домам».[11]

Кроме годовых поминок, у чуваш бывают еще поминки частные, временные. Такие поминки они совершают в третий день после смерти родственника, почти также, как совершаются годовые. Также к этому дню варят пиво, готовят кур. В день поминок приглашают родственников в дом умершего и, когда все соберутся, открывают дверь в дом и приглашают умершего к приготовленному как бы для него столу. «При этом каждый родственник подходит к столу, отрывает от каждого блюда по кусочку и кладет в приготовленную для этого посуду, говоря умершему, как бы тут находящемуся: будь это пред тобой! Когда таким образом все присутствующие помянут умершего, тогда кусочки эти», как и при годовых поминках, «бросают собаками, и потом начинают есть, пить и веселиться».

После третьего дня, в каждый четверг совершается поминовение по умершему в продолжение шести недель или года, в зависимости от материального состояния семьи. В этот период времени чуваши убеждены, что умерший как бы живет еще вместе с ними во дворе. Обряд поминовения совершается так: «с четверга на пятницу пекут блины, варят кашу и топят баню. Когда все домашние перекупаются в бане, тогда один из членов семьи входит опять в баню, обливает веник водой и,

[11] Говоров А. С. Ивановка. – Самара, 1926, С. 48.

пригласив умершего, начинает парить пустой полок», в представлении того, что умерший находится здесь, после чего его приглашают в дом. По прошествии шести недель или года делаются поминки большие, которые называются Юба. Название происходит от обычая устанавливать на могиле столб взамен дощечки. По совершении этих поминок умерший уже не считался живущим в доме. К этому времени в доме умершего готовят различные блюда, после чего близкие родственники отправляются в лес. В телегу постилают перину, кладут подушки, на которые садятся двое мужчин и одна женщина, и все трое, взяв с собой восковую свечу, вареную курицу, вино, отправляются в лес, и здесь, если умерший был мужчина, останавливаются у дуба, если женщина - то у березы», диаметром 15-20 см., длиною 120 см. «Поставив на землю яства с напитками и срубив дуб или березу, вершину отрубка обделывают так, чтобы она представляла подобие человеческой головы. После кладут его на постеленную в телегу перину, обернув кошмой, везут в дом умершего». Рубка и обработка дерева сопровождалась поминальной трапезой и ритуальными поминальными песнями. При возвращении в дом чурбан укладывали на постель покойного, одевая, в некоторых случаях, его собственный костюм или просто кафтан. При поминании девушек или женщин на чурбан одевали также женский головной убор хушпу или девичью шапочку тухья. Дома начинают трапезничать и веселиться. После чего все направлялись к могиле покойника. Чурбан, символизирующий умершего, везли на кладбище на лошади и устанавливали на могилу утолщенным концом вверх. На нем вырезали или щитообразное углубление, или выдалбливали квадратные углубления, символизирующие глаза, нос и рот человека. На женских погребениях ко всему добавляли также изображения сурпана. Несколько ниже вырубалось подобие украшений из монет.[12]

Стол и скамейку в некоторых местах устанавливали также в день поминок. Намогильные памятники тесно связаны с местностью, где они размещаются. По представлениям чуваш - язычников, смерть не должна приносить горе, тяжкие переживания, а наоборот, в ней заключалось нечто величавое, таинственное. Умерший как бы просто переходил из одного состояния в другое: жизнь на земле

[12] Говоров А. С. Ивановка. – Самара, 1926, С. 75.

считалась временной, а кладбище, называемое сава или масар, представлялось частью потустороннего вечного мира - леш тенче, и человек после смерти уходил туда, на тот свет, навсегда. Выбирая для сава место, чуваши исходили из космогонических идей: возвышенное место у реки, где устраивали кладбище, связывалось с мифической «первогорой» - первой сушей, появившейся из воды при спаде всемирного потопа, который чуваши называли талай, река символизировала воды потопа. Так чуваши язычники через речушку строили мостик, переход, называемый Чинави или Синави.[13]

Отдать дань уважения покойнику выражалось в стремлении близких снабдить умершего предметами первой необходимости. Так, «мужчинам в гроб клали трубку с табаком, нож, женщинам - иголку, нитки и др. предметы рукоделия. Мужчинам и женщинам клали деньги». На восточной стороне около могильной ямы разжигали костер. Пламя костра язычникам представлялось своеобразным посредником между небом и землей, извещающим о прибытии в вечный мир новой души. Поминальная трапеза при становлении юбы состояла из баранины, конины, телятины, блинов и прочего, а также пива и водки, она сопровождалась поминальными песнями, играми и плясками под звуки национальных музыкальных инструментов. После возвращения с кладбища поминки продолжались целую ночь. Песни и пляски являлись обязательным элементом. «Каждый участник обязательно приносил с собой свечу, которая зажигалась при входе в дом и ставилась на прибитую к стене слева от входной двери планку». Один из родственников умершего снимал мякотью хлеба нагар и бросал его в чашку. После того, как угасала последняя свеча, содержимое чашки с молитвой выносили во двор, выбрасывали в угол. И заключительной процедурой покойника были массовые пляски у костра, разведенного недалеко от деревни. После поминок все участники перед входом в дом умывались, а позже мылись в бане, символизируя очищение.

Кроме поминок по усопшему, чуваши в течение года справляли религиозные праздники, посвященные предкам. Массовому обрядовому угощению предков, покровительством которых хотели заручиться в хозяйственной деятельности, посвящен чувашский *манкун* (великий день). Манкун начинается со дня калам кун.

[13] Там же.

По сообщению В. Магницкого, чуваши считали, что в этот день усиливает свою пагубную деятельность вся нечистая сила, и в целях ограждения от нее чуваши совершали ряд магических действий: звонили в колокола, стреляли из ружей, окуривали сады, огороды. Манкун заканчивался обрядом изгнания из деревни загулявших предков и всей нечистой силы. Также к поминальному циклу можно отнести выше указанный праздник симек, который в сущности как бы завершал цикл поминальных обрядов астрономического года.[14]

Таковой являлась языческая вера чуваш до оказанного на нее влияния со стороны христианства и ислама.

[14] Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. – Чебоксары, 1994, С. 64-65.

IV. Чувашское язычество в контексте христианства.

Для того чтобы обеспечить безопасность в Русском государстве, Православная церковь приняла решение всех граждан сделать единоверцами. Но чуваши продолжали придерживаться язычества, и тогда их насильно крестили, а крещеным предоставляли льготы, привилегии, награды. Но скоро стало понятно, что слишком долго такой траты государственных средств казна не выдержит, и поэтому деньги стали выплачивать только за обряд крещения. Поэтому часто бывало, что люди крестились по нескольку раз в разных местах. Что бы стало удобнее язычникам, священники начали приспосабливать свои обряды к языческим. Миссионеры стали разрушать места языческих молений и строить там церкви и монастыри.

До двадцатых и даже тридцатых годов XIX века чуваши были плохими христианами, но и их религия разваливалась, потому что они верили не по убеждению, а из корыстных целей. Новые обряды становились привычкой, и потому часто из молений стали выбрасывать имена богов, даже принадлежащих к высшему разряду. Потом титулы этих богов стали приписывать православным святым.

В результате насильственной христианизации, православный Николай-Чудотворец у чуваш получил название Никола-бог. Обязанность каждого человека – два раза в год сходить к нему на поклон. С точки зрения чувашенина, не почитать Николу-бога опасно, так как тот может наказать. А его милость простирается только на тех, кто, являясь на поклонение ему, приносит с собой свечку, кусок белого хлеба и деньги. Свечка ставится перед образом, деньги и хлеб же бросаются в родник. Но в основном их отдают нищим, которые из-за этого становятся людьми вполне состоятельными.

Если же кому-то хочется уклониться от паломничества к Николе-богу, то надо взять нужную сумму денег и вещей и подбросить соседям. Тогда на место паломничества должен явиться сосед. Но он еще и проведет расследование – кто сделал такой «подарок». Делается это двумя способами: можно пойти к «ворожее» и задать ей вопрос, или замазать подброшенные предметы в щели у печки. Они будут сохнуть от жара, и вместе с ними будет усыхать человек, который и подбросил вещи.

Но даже если чувашенин и принимал христианство, то его мировоззрение и быт не изменялись, т.к. в большинстве случаев православие принимали из-за материальных выгод, связанных с ним.

Однако к началу XX века подавляющая часть «язычников» сознательно приняла православие. Большую роль в этом сыграла просветительная политика Русской Православной церкви, как, например, созданы русские школы в чувашских селениях, разработан алфавит и переведены десятки книг, служения и моления происходили на русском языке. Но кроме этого были явления, которые и тормозили религиозное просвещение чуваш, как то: близкое соседство с мусульманами, большое расстояние между чувашскими деревнями и храмами, и одинаковое восприятие ими как и православия, так и ислама.

VI. Влияние ислама на религиозные верования чувашей

Существенное воздействие на веру чуваш оказало христианство, но также влияние на их религиозные верования оказали живущие по соседству татары, башкиры мусульманской веры.

«Татары, по информации православного священника, крайне самостоятельный народ, в своих школах преподавали детям начальные сведения по арифметике, геометрии, географии, но не допускали обучение русскому языку. Все татарские школы носили исключительно религиозный характер, вследствие чего дети вырастат с враждебностью ко всему русскому. Народ мусульман свято хранит свою веру. Ни одна народность не может оказать на нее свое влияние. Напротив, более мелкие народы, такие, как чуваши, поддаются влиянию мусульман и отатариваются. Случаи перехода чуваш в ислам замечались в следующих селениях Самарской Епархии: Ерилкино, Кульшарыпово, Ново и Старое Суркино, Рысайкино, старое Афонькино, Абдикеево и других. Но в мусульманскую веру переходили не только чуваши-язычники, но и крещеные чуваши. Причин, содействующих переходу чуваш в ислам, немало, а именно:

1) Близость татарских селений.

2) Знание чувашами татарского языка.

3) Экономическая зависимость от татар.

4) Возникновение христианской миссии произошло позже, чем исламской, вследствие чего чуваши успели уже омусульманиться.

5) Высокая культурность татар.

6) Хитрость, пронырливость и религиозный фанатизм мусульман.

7) Гостеприимство, дружественное отношение татар к чувашам.

8) Пренебрежительное отношение русских к чувашам.

9) Равнодушное отношение к отатариванию чуваш со стороны православных людей.

10) Оказание чувашам всяческой помощи со стороны татар.

Чуваши-магометане совершают моления «по-татарски»: хайар паратнар – в пятничный вечер в течение года, пекут блины; следующее моление – керкенук. Проведение моления называют керк енук каттарани. Его смысл заключается в

следующем: посередине комнаты накрывают белой скатертью стол, все рассаживаются вокруг и молятся. По окончании молитвы всем раздают деньги, после чего молятся еще раз. И только после этого можно было приступать к угощению.[15]

Многих чуваш насильно, под давлением заставляли перейти в мусульманскую веру. Или сами чуваши мимолетно поддавались увлечению мусульманской пропагандой, но так или иначе творилась суматоха. Чуть позже чуваши понимали, что это был лишь обман, и всей деревней просили вышестоящие инстанции записать их обратно в язычники. К тому же некоторые чуваши не были сильно привязаны к новой вере, и хоть после, в XX веке некоторые изменили свою этническую принадлежность, более придерживаясь мусульманских догматических предписаний, большинство оставалось на позициях мусульмано-языческой религии.»

Начиная с 20-х годов XX века темпы исламизации сократились, в частности из-за атеистской пропаганды. Можно выделить четыре группы чувашей-мусульман, как это сделала Е.А.Ягафова в своей статье «Исламизация чувашей в Урало-Повольжье в XVIII – XX веках». Первая группа – чуваши-мусульмане, вернувшиеся к традиционным верованиям. Вторая состоит из чувашей по этническому, но мусульман по религиозному самосознанию. Третья представлена потомками чувашей-мусульман, сохранившими ислам и татарское этническое самосознание, но использующие в быту чувашский язык и элементы чувашской культуры. Четвертая включает потомков чувашей-мусульман, полностью отатарившихся в религиозном и этническом смысле.

Таким образом, процесс исламизации привел к развитию этноконфессиональной общности «чувашей-мусульман», внутри которой различаются группы по степени исламизации и отатаривания.

[15] Е.А.Ягафова в своей статье «Исламизация чувашей в Урало-Повольжье в XVIII – XX веках». - Самара, 2007.

Заключение

В данный момент на территории Самарской области еще сохранились «островки» истинной чувашской веры, о чем свидетельствует видеозапись языческого обряда в селе Чув. Урметьево, сделанная ГТРК «Самара». Но только все меньше людей, соблюдающих ритуалы своих предков. Это происходит потому, что многие дети уезжают в города. А сельские не придают значения народным обычаям, пока сами не обзаведутся семьями. Молодые уже редко присоединяются к молениям «Чук», и старики с сожалением вспоминают веселые и счастливые времена своей молодости:.

«Особых стычек между крещеными и некрещеными чувашами нет, разве что изредка схватывались ребята в рукопашной. Крещеные чуваши считают язычников глупыми, а те знали, что они такие же, как все – и кулаками доказывали свое право на вероисповедание и на религию своих родителей. Сегодня взаимоотношения между чувашами – представителями различных этноконфессиональных групп представляют собой дружественную атмосферу.»

В современных условиях происходит рост этнического и религиозного самосознания чувашей. Язычники среди них считают себя «истинными» чувашами, в отличие от христиан и тем более – мусульман.

Источники и литература:

1. Говоров А. С. Ивановка. – Самара, 1926.
2. Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768- 1769 г. Ч. I-II. СПб., 1771.
3. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. I- СПб., 1773.
4. Салмин А. К. Народная обрядность чувашей. – Чебоксары, 1994.
5. Ягафова Е. А. Самарские чуваши. – Самара, 1997.
6. Ягафова Е. А. Чуваши Самарской Луки. – Чебоксары, 2003.
7. Ягафова Е. А. Чувашское «язычество» в XVIII – н.XXI века. – Самара, 2007.